

КОГДА КАМЕНЬ БРОШЕН: ОБРАЗ ЛИЗЫ («ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО) КАК ПРЕДВЕСТИЕ СОНИ МАРМЕЛАДОВОЙ

Анастасия Николаевна Суркова

студентка бакалавриата ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1

SurkovaAN@mgpu.ru

Для цитирования: *Суркова А. Н.* Когда камень брошен: образ Лизы («Записки из подполья» Ф. М. Достоевского) как предвестие Сони Мармеладовой // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2022. № 1 (6). С. 91–101. DOI: 10.31802/WI.2022.6.1.008

Аннотация

УДК 82.091

В статье рассматривается образ Лизы в романе Ф. М. Достоевского «Записки из подполья». Идеи и черты, которые читатель видит в Лизе, получают возможность развития в Соне Мармеладовой, более целостном позднем персонаже Достоевского. Писатель по-разному определяет положение своих героинь в сюжетной канве произведений, но в то же время объединяет их с помощью евангельского образа прощенной Христом блудницы.

Ключевые слова: Достоевский, Записки из подполья, образ Лизы, образ Сони Мармеладовой, евангельский сюжет.

**When the Stone is Thrown: the Image of Lisa
(«Notes from Underground» by F. M. Dostoevsky)
as a Harbinger of Sonya Marmeladova.**

Anastasia N. Surkova

Student at the Moscow City University

4/1 2-y Sel'skokhozyaystvennyy proyezd, 129226 Moscow, Russia

surkovaAN@mgpu.ru

For citation: Surkova, Anastasia N. «When the Stone is Thrown: the Image of Lisa (“Notes from Underground” by F. M. Dostoevsky) as a Harbinger of Sonya Marmeladova». *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (6), 2022, pp. 91–101 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2022.6.1.008

Abstract. The article examines the image of Lisa in F. M. Dostoevsky's novel «Notes from the Underground». The ideas and traits that the reader sees in Lisa are developed in Sonya Marmeladova, the later, more integral, character of Dostoevsky. The writer defines the position of his heroines in the plot outline of his works in different ways, but at the same time he unites them with the help of the evangelical image of a whore forgiven by Christ.

Keywords: Dostoevsky, Notes from Underground, the image of Lisa, the image of Sonya Marmeladova, the gospel story.

Многие исследователи творчества Ф. М. Достоевского, выбирая повесть «Записки из подполья» в качестве объекта своих литературоведческих изысканий, чаще всего рассматривали образ Лизы через призму самого «подпольного человека» и его отношения к Лизе. В героине видели, в первую очередь, представительницу «живой жизни», которая вторглась в мир главного героя и, не сломавшись под натиском его речей, одержала нравственную победу над злым, не способным любить сердцем. По нашему мнению, Лиза является вполне самостоятельной героиней, обладающей своей собственной историей и заслуживающей особого внимания со стороны читателей и исследователей творчества писателя.

О роли Лизы в произведении рассуждал Р. Г. Назиров. Он назвал её появление в подполье кульминацией повести, раскрывшей читателям истинное лицо «подпольного человека»: «Она нарушает его изоляцию, она переступает границы созданной им микросреды. В лице Лизы сама жизнь покушается на подполье»¹. Исследователь увидел в героине безграничную доброту, способность довериться незнакомому человеку, понять, что происходит в его душе, переступить через нанесённое оскорбление и пойти навстречу оскорбившему. Особое значение Лизы в произведении отметил А. П. Скафтымов: «Она присутствует в “Записках” не только как предмет покорения и злости героя, в ней не только раскрываются его черты, но она внутренне с ним сопоставляется, индивидуально оттеняет его внутреннее существо...»². Исследователь также увидел в героине «спасительные», «русские», «народные» силы³ и её внутреннее превосходство над личностью «подпольного человека», которое он так боялся допустить, всячески высказывая своё пренебрежение. Для Р. Л. Джексона в момент объятия «подпольного человека» и Лизы раскрывается высшая истина, стирающая все границы: «Не дважды два четыре, и не дважды два пять, но взаимная любовь — вот выход из подполья»⁴. Нападки героя — страшное самоистязание, он отказывается от чувства, которое могло бы стать спасением. Джексон также провёл параллель между нравственно-духовным убийством Лизы подпольным человеком и убийством, которое в будущем совершит Раскольников. Не случайно метафорическое упоминание топора

1 Назиров Р. Г. Об этической проблематике повести «Записки из подполья» // Достоевский и его время / под ред. В. Г. Базанова, Г. М. Фридендера. Л., 1971. С. 150.

2 Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 105.

3 Там же. С. 125.

4 Джексон Р. Л. Искусство Достоевского: Бреды и ноктюрны. М., 1998. С. 143.

и совпадающие имена героинь. Способность Лизы принять героя со всеми его слабостями и пороками, что вызывает в нём только ненависть, подчеркнул А. Б. Криницын. Он увидел в «подпольном человеке» натуру, не способную любить, жаждущую разрушить возможное счастье. В этом исследователь заметил особую роль исповедального характера речи героя, который он приобретает в общении с Лизой; в результате происходит «трагический разрыв из-за невозможности после исповеди дальнейшего общения»⁵. С. Л. Шараков увидел во встрече Лизы и «подпольного человека» евангельский сюжет встречи Иисуса Христа с самарянкой у колодца (*Всякий пьющий воду сию, возраждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать во веки; но вода, которую Я дам ему, сделается в нём источником воды, текущей в жизнь вечную* (Ин. 4, 13–14)). В доме терпимости герой рассказывает об идеале христианской семейной жизни, Лиза верит ему, и её сердце возрождается к жизни. Эта сцена символична. Лиза подаёт воду герою, но он, в свою очередь, не становится «источником» воды, дарующей вечную жизнь, т. к. у «подпольного человека» есть только представления о христианской вере, но «живая вера требует деятельности: покаяния, самопожертвования, смирения»⁶. Ничем из этого он не обладает.

Судьба героини трагична. Из обрывочных фраз, которые она произносит в диалоге с «подпольным человеком», желая как можно скорее закончить этот разговор, мы понимаем, что стать проституткой не было личным решением девушки: «— Зачем ты сюда приехала? — начал я уже с некоторой властью. / — Так... / — А ведь как хорошо в отцовском-то бы доме жить! Тепло, привольно; гнездо своё. / — А коль того хуже?»⁷. Уже здесь даётся понять, что в отцовском доме Лизе было не сладко. На вопрос о том, есть ли у неё отец и мать, девушка даёт неоднозначный ответ, который говорит о её внутренней неопределённости — она не понимает, можно ли сказать, что у неё есть близкие люди («Да...нет...есть»⁸). «— Другие-то продать рады дочь, не то что честью отдать, — проговорила она вдруг. / — А! Вот оно что!»⁹, — герой догадывается, что на судьбу Лизы повлиял отец, в этой внезапной фразе

5 Криницын Б. А. Исповедь подпольного человека: к антропологии творчества Ф. М. Достоевского. М., 2001. С. 226.

6 Шараков С. Л. Христианский символизм в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» // Учёные записки Казанского университета. Т. 159. 2017. С. 159.

7 Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Л., 1972–1990. С. 156.

8 Там же. С. 153.

9 Там же. С. 157.

обнаруживается страшная истина — девушка могла быть продана отцом в нелегальный публичный дом. К сожалению, такие случаи не были редкостью. Изучая историю проституции в Петербурге 40-х годов XIX в., Н. Б. Лебина и М. В. Шкаровский замечают, что «толкали женщин на путь разврата и родственники, заинтересованные в заработке»¹⁰. Например, в книге описывается так называемое «тёмное дело»¹¹, с которым пришлось столкнуться в начале своей карьеры А. Ф. Кони, — чиновник пытался продать богатому банкиру свою 19-летнюю дочь.

Лиза находится в одном из тех «тогдашних “модных магазинов”»¹², которые днём осуществляли свою непосредственную деятельность, а ночью становились домами свиданий. Приехать туда можно было исключительно с рекомендацией, поэтому компания приятелей предупреждает хозяйку о своём приезде. Лиза находится в нелегальном борделе, что можно понять из комментариев самого «подпольного человека», который не хочет верить в возможность их следующей встречи («Да и не пустят её, “мерзавку”»¹³). Но он ошибается, её пускают, но не только потому, что героиня ещё состоит «на особых правах»¹⁴, но и потому, что в таких заведениях у девушек было больше свободы, чем в официальных домах терпимости. Лиза осознаёт, какое будущее её ждёт, особенно ярко после речей «подпольного человека», рисующего картины с гробом на Сенной. Она стремится покинуть это заведение, с просьбой о помощи обращается к «подпольному человеку» («Я оттуда...хочу...совсем выйти»¹⁵). В этом проявляется наивность героини. Оставить публичный дом было весьма непросто, такие девушки были материально в полной зависимости от своих хозяек. На это не раз указывает и «подпольный человек», стремясь надавить на самое больное: «Да, раба!», «И порвать потом эти цепи захочешь, да уж нет», «ведь ты, наверно, уж хозяйке должна?»¹⁶. Анализируя всё вышесказанное, мы понимаем, что Достоевский действительно хорошо знал те реалии, которые стали предметом его изображения. Он точно передал условия, в которых оказалась героиня и которые могли бы ожидать её в будущем. Детали, отражённые в художественном произведении, помогают воссозданию исторической картины той эпохи,

10 Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге: 40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в. М., 1994. С. 49.

11 Там же. С. 52.

12 Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Указ. соч. С. 154.

13 Там же. С. 167.

14 Там же. С. 167.

15 Там же. С. 173.

16 Там же. С. 155.

о чём свидетельствуют Н. Б. Лебина и М. В. Шкаровский: «Важны постепенно описанные Ф. М. Достоевским типы Сенной и Таирова переулка»¹⁷. В этом случае исследователи обращаются к художественному произведению как к источнику знаний, позволяющих с выверенной точностью охарактеризовать жизнь разных слоёв населения XIX века, а также восстановить облик Петербурга того времени.

Лизе присуща некая детскость, проявляющаяся в её взгляде («так смотрят дети на тех, кого очень любят и у кого чего-нибудь просят», «детски нетерпеливый взгляд»¹⁸). Это сравнение Лизы с ребёнком не случайно, оно раскрывает тонкую, доверчивую, наивную натуру героини, по-настоящему прекрасную, ведь именно в чистоте и невинности детей писатель видел идеал человечества. Портрет, а точнее глаза и самый взгляд Лизы, Достоевский описывает подробно: «Глаза у ней были светло-карие, прекрасные глаза, живые, умевшие отразить в себе и любовь, и угрюмую ненависть»¹⁹. Вначале «подпольный человек» жалеет, что не может разглядеть её глаза, они ускользают от него, затем взгляд героини становится угрюмым, недоверчивым и упорным. Она вслушивается в слова героя и не понимает, как ей на них реагировать. Когда же девушка останавливает «подпольного человека», чтобы показать сокровенное письмо, призрачный символ её возможной свободы, взгляд становится мягким, просящим, одновременно робким и доверчивым. В момент откровения герой замечает в глазах детское торжество, а затем, закончив рассказ, героиня снова опускает свои «сверкавшие глаза»²⁰. Когда же герой понимает во время второй встречи, что их роли меняются, и героиня теперь она, он желает снова увидеть её глаза, но уже не в силах это сделать. Лиза обладает «стыдливым и целомудренным сердцем»²¹, способным тонко чувствовать, она трепетно хранит письмо молодого человека как напоминание о том, что её жизнь может быть наполнена светлыми чувствами.

Лиза — одна из тех героинь Достоевского, красота души которой остаётся нетронутой, даже несмотря на свою греховность и трагичность судьбы. По нашему мнению, положение неизвестности, в котором она оказалась в конце романа, не в полной мере удовлетворило писателя. Он дал возможность развития этому образу, в результате чего Лиза стала

17 Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге. С. 37.

18 Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Указ. соч. С. 163.

19 Там же. С. 163.

20 Там же. С. 163.

21 Там же. С. 159.

предвещием героини романа «Преступление и наказание» — Сони Мармеладовой. Неслучайно Л. П. Гроссман назвал «Записки из подполья» этюдом к роману «великого пятикнижия»²². В образе Сони мы видим те же черты, ту же трагичность судьбы, то же чистое, любящее сердце. И чистота эта определяется тем, что выбирает она путь грехопадения вопреки своим нравственным убеждениям. По мнению Б. Н. Тихомирова, для Сони возможность спасти близких людей возвышается над всеми «за и против», отказ от неё — страшный грех: «Остаться по эту сторону “черты”, не смочь спасти своих близких от голодной смерти — значит для Сони Мармеладовой “ещё несчастнее” быть, нежели несчастна она»²³. Н. А. Тарасова выделяет в Сонечке воплощение духовной силы и детскость (последнее сближает её с Лизой). Она рассматривает образ Сони в контексте христианской проблематики, выделяя в героине материнское начало и проявление представлений о святости, неразрывно связанной с мученичеством²⁴. С Соней связаны мотивы греха и вины, но это не мешает ей духовно возвыситься над другими героями романа, считающими её «падшей». Сонечка помогает Раскольникову, становится, по мнению Е. А. Трофимова, его «средством исцеления»²⁵. Образ Сони связан с символикой света, олицетворяющего добро в христианской культуре: «именно она соотносится со свечой и её жертва известна Богу, именно её “свет” и укажет путь спасения Раскольникову», как отметила Т. С. Карпачёва²⁶. Только такая героиня может помочь Родиону Раскольникову признаться в содеянном убийстве и раскаяться перед Богом, отправившись на каторгу. Соня проходит весь этот путь вместе с ним, становясь его духовной опорой. Как пишет Н. А. Тарасова, «в образе Сони символически задана способность человека выйти из состояния греха и духовной смерти»²⁷.

Обе героини Достоевского ступают на «греховный» путь не по своей воле, хоть причины их и различаются. Если мы обратимся к историческому

22 Цит. по: Назиров Р. Г. Об этической проблематике. С. 144.

23 Тихомиров Б. Н. К осмыслению глубинной перспективы романа «Преступление и наказание» // Достоевский в конце XX века. М., 1996. С. 261.

24 Тарасова Н. А. Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: Проблемы изучения. М., 2015.

25 Трофимов Е. А. О логичности сюжета и образов в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский в конце XX века. М., 1996. С. 171.

26 Карпачева Т. С. Евангельский текст в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Константы русской литературы. Сборник статей для магистрантов. М., 2020. С. 107.

27 Тарасова Н. А. Христианская тема. С. 88.

контексту, то поймём, что Лиза и Соня даже относились к одному типу проституток — «бланковые»²⁸, только вот первая осуществляла свою деятельность в нелегальном публичном доме, а вторая — на улицах Петербурга. По нашему мнению, эта деталь играет важную роль в художественном мире Достоевского. Поместив свою героиню в замкнутый топос, из которого практически невозможно выбраться из-за долгов, которыми обрастали девушки, и соответствующих условий, писатель загнал её в тупик. Соня же находится в других условиях, никто над ней не имеет власти, улица позволяет выбрать любую дорогу, свернув с ненавистного пути. Беда Лизы и в том, что «подпольный человек» «не в состоянии любить её»²⁹, он стремится только властвовать над её душой. Герой отвергает искреннее желание Лизы, видящей, насколько он несчастен, помочь ему, в нём это вызывает ненависть и желание собственного самоутверждения через её унижение. Раскольников же, в отличие от подпольного человека, понимает и принимает любовь и жертвенность Сонечки, вступает благодаря героине на путь воплощения христианской высоконравственной идеи, которая, по мнению В. Н. Захарова, у Достоевского выражается в поиске человека в человеке, восстановлении его нравственного облика и преображении, выражающемся в стремлении жить по Христовым заповедям³⁰. Н. А. Тарасова считает, что «возможность восстановить свой первообраз есть в мире Достоевского у каждого»³¹, — у Сони и Раскольникова эта возможность равносильна. Мы видим, что Раскольников тоже спасает Сонечку, он защищает её от ложных обвинений Лужина, и даже немногим ранее, ещё не зная, на какой бесчестный поступок способен надворный советник, произносит: «Так вы, со всеми вашими достоинствами, не стоите мизинца этой несчастной девушки, в которую вы камень бросаете»³². Здесь явно слышится прямое цитирование евангельского сюжета о прощенной Христом блуднице, который объединяет судьбы двух героинь: *кто из вас без греха,*

28 Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге. С. 49.

29 Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Указ. соч. С. 176.

30 Захаров В. Н. Достоевский и Евангелие // Евангелие Достоевского. Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года: в 2 т. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. М.: Русский мир, 2010. С. 5–35.

31 Тарасова Н. А. Христианская тема. С. 93.

32 Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6: Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В. Г. Базанов (гл. ред.), Г. М. Фридендер (зам. гл. ред.), В. В. Виноградов и др.]. Л., 1973. С. 232.

первый брось на неё камень (Ин. 8,7). Камень как символ открытой ненависти и презрения появляется во многих произведениях писателя, реализуясь и метафорически (ответ Раскольникова Лужину), и физически («перестрелка» детей в «Братьях Карамазовых»), причём «бросают» его часто те герои, которые далеки от нравственного идеала, в тех, кто наиболее к нему приближён. Камень брошен и в героиню «Записок из подполья», она полностью раздавлена им после второй встречи с «подпольным человеком»; Соню же от этой участи уберегает Раскольников, осознающий высоту её жертвы. Герой не только не «бросает камень», но и защищает Соню от нападков со стороны других персонажей, возвышает её, признавая равной сестре и матери. Немалую роль играет и то, что, в отличие от Лизы, писатель наделяет Соню главным — непоколебимой верой в Бога, которая помогает ей в трудные минуты и сохраняет чистоту души.

Соня становится для Раскольникова тем самым человеком, которого ждал евангельский расслабленный у Овчей купели (Ин. 5, 1–16). Интересно, что в эпистолярном наследии писателя нашёл отражение этот евангельский эпизод: Достоевский указывает на его сакральное значение для человека, нуждающегося в помощи. В письме к присяжному поверенному К. И. Маслянникову по поводу дела Е. П. Корниловой он вспомнил купель в Иерусалиме и расслабленного, у которого не было человека, который бы помог ему дойти до неё. В Маслянникове писатель увидел этого человека и метафорически заметил: «Не пропустите же момента, когда возмутится вода. За это наградит вас Бог...»³³.

Действительно, если Бог совершает чудо через людей, то «убийца и блудница, странно сошедшиеся за чтением вечной книги»³⁴, становятся спасением друг для друга, чего не происходит с героиней «Записок из подполья». Лизе не от кого ждать помощи, у неё, как у того расслабленного, тоже нет рядом человека, который бы помог ей. Подпольный Парадоксалист, единственный, кому она верит, растаптывает её чувства, сам же озлобленно бросает в неё «камень», разрушая надежду девушки на спасение из того ада, где она находится. Он пробуждает в Лизе высокие чувства своей благородной и возвышенной тирадой, а затем, во время второй встречи, когда она приходит к нему с просьбой

33 *Маслянников К. И.* Эпизод из жизни Ф. М. Достоевского: Материал для биографии // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / подгот. текста, вступ. ст. С. В. Беловой. СПб., 1993. С. 226.

34 *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание // Указ. соч. С. 252.

о помощи, беззащитная и уязвимая, всё это разрушает, лично толкая её к падению на самое дно.

Важно отметить, что, как уже говорилось ранее, подпольный человек не способен любить, что могло бы избавить его от внутренних цепей и помочь обрести настоящую свободу. А вот Соня и Раскольников в конце романа всё же обретают эту возвышенную христианскую любовь, которая не имеет ничего общего с плотским желанием, что подчёркивает И. А. Беляева: «...роль не невесты или любовницы, как предполагает Разумихин, а спасительницы души Раскольникова, заново открывающей ему истину воскресения»³⁵. Писатель изображает двух людей, устремлённых к новой жизни, и у читателя не возникает сомнения в их духовном преображении в будущем. Достоевский всегда видел в человеческой душе, какой бы порочной она ни была, отблеск божественной красоты и возможность её спасения. Читатель остаётся в полном неведении о дальнейшей судьбе Лизы, но замечает возможные очертания жизненного пути, который ещё предстоит пройти Соне.

Безусловно, Соня является продолжением идей Достоевского, которые невозможно было раскрыть в образе Лизы. Героиня «Преступления и наказания» получилась более цельной в художественном смысле, в ней ярко передан христианский символизм. Можно предположить, что в какой-то степени одна история блудницы является продолжением другой, дополняет её, привносит свои уникальные черты, при этом показывая иное решение выведенной автором проблематики. В основе сходства образов двух героинь, как нам кажется, заложено противопоставление обстоятельствам их жизни (девушка с высокими нравственными ценностями, оказавшаяся на самом «дне»), которое позволяет проследить развитие художественного мировоззрения писателя.

Библиография

- Беляева И. А.* Генезис русского классического романа: «Божественная комедия» Данте и «Фауст» Гёте как истоки жанра: Учеб. пособие. Ч. II. М.: МГПУ, 2011.
- Джексон Р. Л.* Искусство Достоевского: Бреды и ноктюрны / пер. Т. В. Бузина. М.: Радис, 1998.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5, 6. Л.: Наука, 1972–1990.
- Захаров В. Н.* Достоевский и Евангелие // Евангелие Достоевского. Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске

35 *Беляева И. А.* Генезис русского классического романа: «Божественная комедия» Данте и «Фауст» Гёте как истоки жанра: Учеб. пособие. Ч. II. М., 2011. С. 141.

в январе 1850 года: в 2 т. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. М.: Русский мир, 2010. С. 5–35.

- Карпачёва Т. С.* Евангельский текст в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Константы русской литературы. Сборник статей для магистрантов. М.: МГПУ; Книгодел, 2020. С. 105–120.
- Криницын Б. А.* Исповедь подпольного человека: к антропологии творчества Ф. М. Достоевского. М.: Диалог МГУ; МАКС Пресс, 2001.
- Лебина Н. Б., Шкаровский М. В.* Проституция в Петербурге: 40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в. М.: Прогресс-Академия, 1994.
- Маслянников К. И.* Эпизод из жизни Ф. М. Достоевского: Материал для биографии // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / подгот. текста, вступ. ст. С. В. Беловой. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 221–227.
- Назирова Р. Г.* Об этической проблематике повести «Записки из подполья» // Достоевский и его время / под ред. В. Г. Базанова, Г. М. Фридлендера. Л.: Наука, 1971. С. 143–153.
- Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972.
- Тарасова Н. А.* Христианская тема в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: Проблемы изучения. М.: Квадрига, 2015.
- Тихомиров Б. Н.* К осмыслению глубинной перспективы романа «Преступление и наказание» // Достоевский в конце XX века. М.: Классика Плюс, 1996. С. 251–269.
- Трофимов Е. А.* О логичности сюжета и образов в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский в конце XX века. М.: Классика Плюс, 1996. С. 167–189.
- Шараков С. Л.* Христианский символизм в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» // Учёные записки Казанского Университета. 2017. Гуманитарные науки; Т. 159. С. 154–162.